

УДК 32.019.5

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ЗАЩИТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА: АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Асканова Оксана Владимировна

- e-mail: askanova@yandex.ru;
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики
и управления;
Алтайский государственный технический университет
имени И. И. Ползунова, Рубцовский индустриальный институт
(филиал)
658223, Алтайский край, г. Рубцовск, ул. Тракторная, д. 2/6,
Российская Федерация

Для цитирования

Асканова О. В. Государственная политика по защите традиционных ценностей и рыночная экономика: анализ противоречий // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 04.03.2026
- Статья размещена на сайте 24.09.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Терминологическая подмена как идеологический механизм:
от «капитализма» к «рыночной экономике»](#)

[Коллективизм против индивидуализма: противоречие между
рыночной логикой и традиционными ценностями](#)

[Закключение](#)

[Литература](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать совместимость традиционных российских духовно-нравственных ценностей со сложившейся в России экономической моделью и оценить возможность эффективной реализации государственной политики по их сохранению и укреплению.

Процедура и методы. Исследование базируется на контент-анализе Указа № 809 в сопоставлении с фундаментальными принципами рыночной экономики и на философско-экономической реконструкции понятий «капитализм» и «рыночная экономика».

Результаты. Установлено, что зафиксированные в Указе № 809 ценности либо принципиально несовместимы с рыночной логикой, либо находятся с ней в состоянии перманентного напряжения. Выявлено, что Указ № 809 оставляет экономическую сферу за рамками политики по защите традиционных ценностей, что крайне затрудняет его реализационный потенциал.

Теоретическая и / или практическая значимость. Обоснованы выводы о невозможности реализации ценностной политики без трансформации экономической модели и о необходимости переосмысления парадигмы экономического развития с учётом социокультурной специфики России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная политика, рыночная экономика, традиционные ценности, Указ Президента № 809, цивилизационный суверенитет, ценностная политика

ВВЕДЕНИЕ

Отчётливо проявляющийся фундаментальный кризис современного мироустройства, детерминантой которого всё чаще признаётся ценностная инволюция, заставляет переосмыслить продвигаемые сегодня установки и принципы обустройства семьи, общества и государства, политико-экономические, правовые, культурные и другие нормы. Большинство ценностных максим, таких как радикальный индивидуализм, мультикультурализм, толерантность, приоритет прав меньшинств, консьюмеризм, примат частной собственности, тотальный этический релятивизм и т. п., являются продуктом особого историко-культурного пути развития западной цивилизации, где они постепенно получили признание в качестве общественных норм поведения (а за-

частую и законодательное оформление). Очевидная для многих мутация ценностных норм и стандартов Запада привела его к состоянию истощенности развития, сформировав постхристианское по самоопределению (и антихристианское по сути) общество. При этом даже если на самом Западе сложившаяся социокультурная матрица многими воспринимается не иначе, как порочная и самоубийственная, неприятие её незападными обществами представляется вполне оправданным. Универсализация порождённых западным сознанием мировоззренческих установок, их экстраполяция на западные страны создаёт предпосылки для кризиса национальной идентичности, размывая границы национальной культуры, подрывая цивилизационную самобытность других народов. Необходимость противодействия социокультурным угрозам выдвигает на первый план государственной политики многих стран вопросы выработки адекватных мер по защите традиционных ценностей, способствующих укреплению национальной безопасности и суверенитета, социальной стабильности и гражданскому единству.

Особое значение проблема сохранения и упрочения традиционных духовно-нравственных ценностей имеет для современной России, важнейшей концепцией государственной политики которой долгое время выступал оксидентализм. Рассматривая оксидентализм не просто как геополитическую доктрину, а в первую очередь как проект переустройства страны, его сторонники в России исходили из необходимости ориентации на нормы, принципы и ценности западной цивилизации как наиболее успешной в истории человечества. Поэтому внедрение цивилизационных образцов Запада в политику, экономику, образование, национальную культуру России в течение определённого периода было результатом вполне сознательной и последовательной политики государства по максимальному сближению и интеграции России с западным миром, «строительству общего европейского дома».

Вопросы оправданности выбранного для России государственного курса, адекватности западных социокультурных норм отечественному ценностному коду спровоцировали в общественном дискурсе серьёзные когнитивно-аксиологические противоречия, которые обострялись по мере понимания ошибочности реализуемой траектории. Поэтому постепенно тема необходимости возврата к традиционным ценностным установкам со стороны государства стала закрепляться в об-

щественной повестке, актуализируясь на фоне нарастания глобальных противоречий.

На высшем уровне властной риторики вопросы традиционных ценностей народов РФ впервые затронуты в 2012 г. в рамках статьи В. В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹. В этой программной работе при признании наличия «единого культурного кода» у российского народа выделены «базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности», лежащие в основе традиционных религий России. В том же году фиксируется отчётливое проявление и утверждение вопроса о российских ценностях в законодательной сфере в рамках Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., которая определила основные направления государства «в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе *духовно-нравственных и культурных ценностей народов*» РФ. С этого времени идея традиционных ценностей России прочно вошла в отечественный общественный нарратив, став одной из самых популярных тем политико-публичного поля страны. В итоге концептуальное понимание необходимости проведения системной государственной работы по сохранению и отстаиванию традиционных российских ценностей на внутри- и внешнеполитическом треках вылилось в принятие целого ряда стратегических документов².

В череде утверждённых законодательных актов знаковым документом в сфере стратегического планирования, обобщающим и одновременно конкретизирующим положения других нормативно-правовых документов, стал Указ Президента №809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³ (далее – Указ

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/Publikacii-i-vystupleniya/item/57848> (дата обращения: 23.12.2025).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Основы государственной культурной политики; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года; Стратегия развития информационного общества; Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года.

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 23.12.2025).

№809). Оцениваемый как вершина развития законодательной системы в области ценностной государственной политики РФ, Указ №809, по мнению подробно разобравшего этот документ профессора В. Э. Багдасаряна, явился важным шагом «в решении задач мировоззренческого строительства» в России [6].

Важно заметить, что Указ №809 стал мощным триггером, превратившим тему традиционных духовно-нравственных ценностей в один из важнейших трендов современной отечественной науки. Так, если за трёхлетний период 2020–2022 гг. расширенный поиск в научной электронной библиотеке eLibrary (РИНЦ) по запросу «традиционные духовно-нравственные ценности» выявил 92 релевантные запросу публикации, то за аналогичный период (2023–2025 гг.) после появления Указа №809 их число возросло до 1110⁴.

Ознаменовав качественный перелом в научном осмыслении проблематики традиционных ценностей, Указ №809 зафиксировал определение формирующих мировоззрение российских граждан традиционных ценностей (пункт 4) и «аксиологический пакет, включающий 17 ценностных ориентиров» (пункт 5) [6]. Несмотря на то, что Указом №809 определён довольно обширный, многоаспектный перечень традиционных ценностей, в современном общественном дискурсе в России отчётливо просматриваются два доминирующих направления ценностных ориентиров. Первое – обусловлено обострением геополитического противостояния России и Запада, что вылилось в усиление запроса на такие ценности, как «гражданственность», «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «патриотизм». Второе направление сформировалось как реакция России на активно продвигаемые Западом идеи, размывающие семейные ценности и понятие о половой принадлежности. Результатом стало довольно узкое понимание традиционных ценностей, которые зачастую стали восприниматься в российском социуме исключительно сквозь призму социокультурных отношений между мужчиной и женщиной в семье и обществе (гендерных отношений).

Подробное исследование состава и содержательного наполнения представленного в Указе №809 пакета ценностей

⁴Расширенный поиск в названиях публикаций, аннотациях и ключевых словах по запросу «традиционные духовно-нравственные ценности», отфильтрованный по типу публикаций (статьи в журналах, материалы конференций), ограниченный соответствующим периодом по состоянию на 13 февраля 2026 г.

считаем возможным оставить за рамками данной работы, тем более что это довольно хорошо освещено другими авторами. Например, С. В. Расторгуев в результате дискурс-анализа разнообразных законодательных актов выявил смыслы и контексты каждой из 17 обозначенных в Указе №809 традиционных духовно-нравственных ценностей, выделив три смысловых группы (собственно традиционные, модернистские и переходные) [20]. Глубокое исследование этого аспекта также можно найти в работе В. Э. Багдасаряна, выразившего сомнения относительно корректности маркировки некоторых ценностей как традиционных и / или российских и поразительно ясно уловившего опасности смысловой подмены любой отражённой в Указе №809 ценности путём интерпретации «в прямо противоположном идеологическом ракурсе» [6]. На отсутствие содержательной определённости представленного в Указе №809 ценностного пакета обращают внимание и другие исследователи. При этом А. В. Гурьянова и А. В. Тимофеев считают, что это, с одной стороны, провоцирует «множественность и неоднозначность интерпретаций, ... с другой – оставляет простор для свободной творческой рефлексии по поводу сущности, исторического контекста и современного понимания традиционных духовно-нравственных ценностей» [11].

Разумеется, тот факт, что традиционные ценности превратились в приоритет государственного идеологического аппарата, а их защита и укрепление – в предмет государственной политики, не мог не вызвать позитивную реакцию общества. Высокая степень согласия российских граждан с обозначенной Указом №809 ценностно-нормативной рамкой в целом подтверждается результатами проводимых в последние несколько лет социологических исследований⁵. Вместе с тем нельзя не отметить, что эти же исследования указывают на иерархию значимости перечисленных в Указе №809 ценностей в массовом сознании и их неодинаковый «отклик» у представителей разных поколений. Всё это свидетельствует о межпоколенческом разрыве в восприятии приоритетности традиционных российских ценностей, что, по-видимому, и обусловило отказ от их иерархизации в Указе №809, на важность которой для ценностно-мировоззренческого строительства указывает в своей работе В. Э. Багдасарян [6].

⁵Традиционные ценности глазами россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01083/opros01.php> (дата обращения: 27.11.2025).

Отмечая значительную роль Указа №809 как ключевого стратегического документа в системе государственного управления, обобщившего основополагающие маркеры цивилизационной и национальной идентичности, нельзя при этом не обратить внимания на тот факт, что в данном документе не упоминается такая важная область общественных отношений, как экономика. Так, не включена экономическая сфера в перечень областей реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (пункт 10). Между тем экономические отношения напрямую формируют повседневную жизнь граждан и влияют на ключевые ценностные установки – от трудовой этики до отношения к собственности и потребительского поведения. Экономическая составляющая также остаётся за рамками пункта 8, сфокусированного лишь на *социальных, культурных и технологических* процессах и явлениях, осмысление которых «с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт» позволит «своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы». Но разве не должны и *экономические процессы и явления* получить переосмысление с учётом традиционных российских ценностей? Никак не затрагивает экономической сферы и пункт 18, в котором отмечается необходимость учитывать исторические традиции и накопленный российским обществом опыт при реформировании «*в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций*». Однако экономика неотделима от общества, поэтому возможность сохранения традиционных ценностей в России при реформировании такой ключевой сферы жизнедеятельности, как *экономика*, вне контекста «исторических традиций и накопленного российским обществом опыта» вызывает серьёзные вопросы. Важным положением Указа №809 является точная оценка ситуации в России и мире как требующей «принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей» (пункт 12), однако, на наш взгляд, это положение не трансформируется в полноту идентификации всех угроз духовно-нравственным ориентирам и моральным принципам (пункт 13). Несомненно, что деятельность экстремистских и террористических организаций, некоторых СМИ, недружественных государств, ряда ТНК и НКО может нанести серьёзный вред традиционным ценностям и национальной безопасности РФ. Но не расшатывает ли «ценностные основания»

России тип экономических отношений, определяющий сформировавшуюся в стране модель хозяйственной деятельности?

Следует заметить, что концептуальная и нормативная узость Указа №809, оставляющая экономику за рамками государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, предопределила направленность научного дискурса. Так, несмотря на возросший интерес российского научного сообщества к проблеме традиционных духовно-нравственных ценностей, после принятия Указа №809 исследования концентрируются преимущественно в юридическом (конституционно-правовое закрепление), педагогическом (ценностное воспитание) и социокультурном (семья, патриотизм, историческая память) контекстах. Подобную фокусировку исследований, по нашему мнению, можно объяснить не только заданными самим документом ценностно-нормативными рамками, но и методологическими ограничениями экономической науки, где вопросы ценностей традиционно относятся к сфере философии или социологии, а не экономического анализа. Именно поэтому осмысление традиционных духовно-нравственных ценностей в экономическом ракурсе представлено довольно фрагментарно. В числе отдельных изысканий, содержащих экономические аспекты, можно выделить работу М. М. Стырова и В. В. Тихомировой, в которой авторы через призму ценностей анализируют трансформацию уклада экономики северных регионов [22]. Ценностные основания стратегии экономического развития на макроуровне рассматриваются в работе Е. В. Романова [21]. С. Н. Бабурин затрагивает духовно-нравственные основы правового регулирования экономики в контексте ЕАЭС [5]. На исследовании противоречий ценностей и потребительской культуры сфокусирована работа В. А. Южакова [24]. Однако отмеченные исследования являются узконаправленными, либо акцентированными на этнокультурных нишах (Север), либо оперирующими абстрактными стратегическими конструкциями.

В контексте поставленных ранее вопросов интересными представляются исследования О. В. Гавриленко, показывающие двойственность российской деловой культуры, создающую напряжённость между традиционными ценностями и реальными практиками [9; 10]. Особое место среди работ по проблеме духовно-нравственных ценностей занимает, на наш взгляд, небольшая редакторская статья Д. А. Плетнёва, в кото-

рой автор, говоря о традиционных ценностях и рыночной экономике как о параллельных реальностях, ставит принципиальные вопросы относительно возможностей их «примирения» [19]. И хотя констатация автором противоречия и постановка вопроса о его разрешении не выливаются в окончательные выводы, это не умаляет важности введения вопроса в проблемное поле.

Таким образом, фрагментарность научного осмысления проблемы традиционных духовно-нравственных ценностей народов России в ракурсе экономической политики позволяет нам говорить о наличии серьёзного пробела в этой области.

В свете отмеченного выше представляется важным проанализировать совместимость традиционных российских духовно-нравственных ценностей со сложившейся в России экономической моделью и оценить возможность эффективной реализации государственной политики по их сохранению и укреплению, что и составляет цель данной работы.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДМЕНА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ: ОТ «КАПИТАЛИЗМА» К «РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ»

Взятый в 1990-е гг. курс на либерализацию экономики (в ультра-версии), характеризующийся полным неприятием государственного вмешательства в экономику, постепенно сменился пониманием необходимости (и неизбежности) усиления роли государства в экономической жизни страны. Не углубляясь в ретроспективную развёртку всех трансформаций российской экономической политики в постсоветском периоде, отметим, что, несмотря на серьёзную корректировку экономического курса, неизменным при этом оставался его базис – рыночная идеология, определяющая фундаментальные принципы функционирования сложившейся модели. Поэтому далее кратко остановимся на природе основанной на рыночной логике модели экономики.

Примечательно, что термин «рыночная модель» («рыночная система», «рыночная экономика»), несмотря на его высокую популярность в современном дискурсе, не имеет универсального определения. Не останавливаясь здесь подробно на анализе многообразия дефиниций, отметим лишь, что большинство авторов в попытке смыслового наполнения этого по-

 К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

нения исходят из комбинации ключевых признаков рыночной экономики. В зарубежной литературе системное определение рыночной экономики чаще всего даётся через следующие её характеристики: частная собственность, свобода выбора экономических агентов, конкуренция, система цен как механизм распределения ресурсов⁶. Ничем принципиально в этом плане не отличается российская практика. Так, В. М. Гальперин, С. М. Игнатьев, В. И. Моргунов, систематизируя признаки рыночной экономики, определяют её через институт частной собственности, свободу предпринимательства, конкуренцию, ограниченную роль государства⁷. Существуют также подходы, трактующие понятия «рыночная система» через всю совокупность лежащих в её основе принципов (предпринимательства, господства частной собственности, свободного рыночного ценообразования, добровольных договорных отношений между хозяйствующими субъектами, ограниченного вмешательства государства в хозяйственную деятельность). Заметим, что поскольку концепция рыночной экономики считается классической, то в современных научных публикациях прямые дефиниции встречаются редко.

Неопределённость трактовки термина «рыночная система» неслучайна и, отчасти, может быть объяснима обстоятельствами, связанными с его укоренением в общественном пространстве, изложенными Дж. К. Гэлбрейтом в «Экономике невинного обмана». Подробно описывая попытки поиска «неопасной альтернативы» термину «капитализм», Дж. К. Гэлбрейт показал, как была осуществлена подмена в американском дискурсе, маскирующая «неприятные исторические ассоциации», наводимые термином «капитализм». Сам Дж. К. Гэлбрейт расценивал эту подмену как форму «невинного обмана», призванную скрыть реальную природу сложившейся экономической системы [12].

Поскольку термин «рыночная экономика» действительно стал доминирующим эвфемизмом для термина «капитализм», возникает вопрос, какие сущностные черты реальной системы должна была стереть из дискурса такая подмена. Для этого очень кратко остановимся на понятии «капитализм». Историко-философская реконструкция становления данного по-

⁶Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. Экономика: пер с англ.; 19-е изд. М.: Вильямс, 2019. 1184 с.

⁷Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика: учебник. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004. 424 с.

нения осуществлена в работах Е. И. Наумовой и Е. Г. Соколова [17; 18], которые связывают внедрение этого термина в научный оборот, его популяризацию в рамках научного дискурса и наделение позитивной коннотацией с трудами А. Шеффле, В. Зомбарта, М. Вебера. Заданное работами этих исследователей научное и моральное «обеление» капитализма сформировало в дальнейшем либеральный взгляд «на природу развития и формирования феномена» капитализма [17]. В соответствии с этим взглядом смысловое наполнение термина «капитализм» обретало конкретику через такие свойственные ему черты, как «свобода», «предпринимательство», «добровольный обмен», «конкуренция», «рациональность», «приобретательство», «стремление к наживе». Однако параллельно с либеральным направлением всегда существовала другая линия, связанная с критическим осмыслением феномена капитализма. Описывая капитализм в таких понятиях, как «эксплуатация», «антагонизм», «частная собственность на средства производства», «прибавочная стоимость», данная линия воплощена в работах классиков марксизма-ленинизма. Разумеется, что амбивалентность смысловой нагрузки термина «капитализм» не могла не превратить его в инструмент политической борьбы, использующей данное понятие «в качестве политического (соответственно и политологического) маркера, посредством которого очерчивалась линия горизонта, отделявшая союзников от противников» [17]. Но даже самое поверхностное обращение к сути понятий «рыночная экономика» и «капитализм» показывает, что подмена второго термина первым маскирует не отдельные «издержки» системы, а саму сущность капиталистических отношений. Такая подмена смещает фокус с производственной сферы, где осуществляется эксплуатация, на сферу обращения, тем самым фетишизируя связи людей, превращая их в связи между вещами и скрывая структурное неравенство. В результате, такие характеристики рыночной экономики, как «свобода», «конкуренция», «добровольный обмен», «рациональность», создают идеологическую рамку, в которой отношения господства и присвоения прибавочной стоимости воспринимаются как естественные, справедливые и основанные на свободном выборе.

Стоит особо заметить, что во многом благодаря подмене понятий и негласному «табу» на употребление слова «капитализм» стало возможным внедрение в общественное сознание

 К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

в позднем СССР мысли о необходимости преобразования экономической модели (а значит, всей системы жизнеустройства) исходя из установок оксидентализма. Профессор В. Ю. Катасонов⁸ в этой связи отмечает, что вытеснение термина «капитализм» из официальной риторики и замена его эвфемизмами вроде «рыночная экономика» или «экономика предпринимательства» отражают стремление избежать отрицательных ассоциаций с капитализмом у населения, воспитанного в советской традиции. Кстати, несмотря на широкий спектр используемых манипулятивных технологий, разочарование в доктрине вестернизации, рассматривающей развитие России исключительно сквозь призму ценностей, принципов и ориентиров Запада, наступило достаточно быстро. Глубокий отечественный мыслитель С. Г. Кара-Мурза, тщательно исследовавший приёмы манипуляции общественным сознанием, приводит результаты опросов ВЦИОМ, которые свидетельствуют о стремительном падении «популярности» надежд на имитацию западных моделей [16]. Так, если в 1990 г. установку «В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных обществ. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом» поддерживало 45% опрошенных, то всего лишь через год – уже 38%, а в 1992 г. – только 14% [цит. по: 16].

КОЛЛЕКТИВИЗМ ПРОТИВ ИНДИВИДУАЛИЗМА: ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ РЫНОЧНОЙ ЛОГИКОЙ И ТРАДИЦИОННЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Обобщение ключевых характеристик понятий «капитализм» и «рыночная экономика», характерных как для позитивной, так и критической трактовки (даже с учётом концептуальной борьбы дискурсов), позволяет зафиксировать такие главные смыслообразующие признаки, как «конкуренция», «частная собственность», «максимизация прибыли». Не углубляясь здесь в историко-культурную развёртку этих феноменов (которая представлена в других работах автора [напр., 2; 3; 4]), отметим лишь, что все они исторически проистекают из специфической западноевропейской антропологической модели «человека-атома», вступающего в отношения лишь по расчёту

⁸Катасонов В. Ю. Миф под названием «рыночная экономика» [Электронный ресурс] // Завтра: [сайт]. [13.03.2024]. URL: https://zavtra.ru/blogs/mif_pod_nazvaniem_rinochnaya_ekonomika (дата обращения: 14.02.2026).

или принуждению, а не по природной склонности к солидарности. Именно из этого особого представления о человеке как индивидууме – свободном и неделимом атоме, находящемся в непрерывном движении и имеющем в частной собственности своё тело [16], логически выводятся ключевые принципы рыночной системы: конкуренция как естественное состояние взаимодействия; частная собственность как материальное выражение индивидуальной автономии; максимизация прибыли как завершающий императив рационального эгоизма. Поэтому универсализация рыночной модели, проецирование западноевропейской антропологии на другие цивилизации, неизменно вступает в конфликт с традициями коллективистских культур (восточноазиатских, славянских), для которых коллективизм и солидарность выступают онтологической основой человеческого бытия.

Показательным примером альтернативной антропологической основы мироустройства (и, соответственно, экономической организации) выступает российская традиция, где на протяжении столетий доминировала не модель изолированного собственника, а коллективные формы хозяйствования – от общинного землевладения до артелей и товариществ. В этих объединениях человек не абстрагировался от коллектива, а органически встраивался в систему взаимных обязательств, где прибыль рассматривалась преимущественно как средство воспроизводства общности, а не как самоцель. Именно антропология – человек как «член общества», а не «атом социума» – составляет цивилизационный код, определяющий специфику поведения народов России.

Базовые метафизические принципы организации российского общества, отличающие «русских в их мировоззрении, культуре, психике от других мировых культур» [1], подвергались глубокой философской рефлексии в работах разнообразных мыслителей. В. П. Войтенко, В. А. Соколов, Р. А. Лубский в этой связи отмечают устойчивую тенденцию научного дискурса противопоставлять западную модель личности, основанную на индивидуализме, рационализме и автономии индивида, российской традиции, в которой доминирует коллективистская установка, реализуемая через категории соборности и общинности [8]. Такое противопоставление отчётливо просматривается у славянофилов. Как особый геокультурный мир со специфическим типом социальности рассматривали Россию евразийцы;

концепцию человека как существа, обретающего подлинность лишь в связи с другими, развивали религиозные философы. И, хотя эти течения не связывались монолитной «русской идеей» и имели разногласия по вопросам исторической миссии России, их объединяла критика западного индивидуализма и поиск альтернативных оснований социальности.

Точка зрения о коренном отличии духовного базиса России от западной цивилизации имеет много сторонников и в современной России. Интересную эмпирическую иллюстрацию социокультурной специфики России представляет опыт постсоветских реформ. В российском политическом дискурсе 1990-х гг. даже утвердилась используемая Дж. Саксом для объяснения провала политики «шоковой терапии» метафора «другой анатомии» [цит. по: 23], ставшая символом несоответствия между западными экономическими рецептами и российской социально-культурной реальностью.

Обобщая духовно-нравственные основания российского бытия, А. П. Андреев и А. И. Селиванов в качестве важнейших из них выделяют: коллективизм; братство; соборность; державность и патриотизм; высокую духовность; правдоискательство, доходящее до свободы от материального своекорыстия; свободу духа, доходящую до анархичности; социальную справедливость, основанную на добре и правде; мессианство и безудержную творческую активность духа, его стихию и противоречивость; терпеливость; значительный консерватизм как восточную традицию; этику любви и коллективного спасения; благородство и великодушие; всепрощение и жертвенность; силу духа; способность к гигантской концентрации физических и духовных усилий; мужество и самопожертвование во имя правды или «общего дела» [1].

Вселяет надежду, что многие из отмеченных выше мировоззренческих установок нашли отражение в Указе №809, задавая представление об идеальном или допустимом общественном устройстве. Однако даже весьма поверхностный взгляд на содержание пункта 5 Указа №809 позволяет выделить целый ряд из представленных в перечне ценностей, очевидное противоречие которых с ядром рыночной логики (индивидуализм, мотивация прибыли, расчётливый рационализм, конкуренция) трудно отрицать.

По нашему мнению, из числа вошедших в аксиологический пакет 17 ценностных установок принципиально несовместимы-

ми с рыночной экономикой можно считать: патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение. Под принципиальной несовместимостью в данном случае понимается глубокий разрыв между императивом рынка на эгоистическую рациональность и холодный расчёт, с одной стороны, и ценностной установкой на отказ от расчёта во имя долга, призвания, служения и т. п., с другой. Объединение отмеченных выше ценностей в одну группу обосновано, с нашей точки зрения, тем, что рыночная экономика уничтожает их как таковые, подменяя симулякрами.

Кроме того, поскольку Указ №809 не раскрывает смыслового наполнения включённых в ценностный пакет установок, а «любое без исключения понятие в современном гуманитарном и обществоведческом дискурсе», как справедливо отмечает В. Э. Багдасарян, многозначно, даже такие, казалось бы, универсальные ценности, как жизнь, свобода, права, достоинство и т. п., преломляясь сквозь призму социокультурного контекста, приобретают в каждой культуре собственное, неповторимое содержание [6]. Открытость интерпретации формирует пространство для выявления точек перманентного напряжения всех остальных закреплённых в Указе №809 ценностных ориентиров (жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, крепкая семья, гуманизм, историческая память и преемственность поколений, единство народов России) с рыночной логикой. Перманентное напряжение проявляется, на наш взгляд, не в отмене указанных ценностей, а в их девальвации под давлением рыночных механизмов, что требует внешних ограничителей экспансии рынка.

Предваряя возможные возражения относительно оправданности разграничения ценностей на две группы (принципиальная несовместимость / перманентное напряжение), отметим, что приведённое деление является довольно условным. Так, например, включив в первую группу такие ценности, как «патриотизм» и «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», мы оставили за рамками этой группы ценность «гражданственности». Казалось бы, все эти ценности представляют собой триединую основу отношения человека к своей стране и неразрывно связаны, но, поскольку, на наш взгляд, первые две проявляются через жертвенность, а последняя – через уча-

ствие в жизни государства, они отнесены нами к разным группам. Подвижность границ между группами и их зависимость от институциональной среды и культурного контекста делают любую группировку инструментом мышления, а не объективной данностью. Вместе с тем условность этой группировки не умаляет её аналитического значения для изучения природы противоречий между ценностями и рыночной логикой, позволяя выявить степень их напряжённости.

Остановимся далее подробнее на рассмотрении сути принципиальной несовместимости ценностных установок с рыночной логикой.

На наш взгляд, фундаментальное расхождение, задающее стержневую ось, вдоль которой выстраиваются и обостряются все остальные конфликты между традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и рыночной парадигмой, заложено между рынком и ценностью *коллективизма*. Являясь диаметрально противоположным индивидуализму видом социальности, коллективизм представляет собой особый тип мироощущения, связанный с отличным от западного представлением о человеке. И хотя в русской философской мысли понятие «коллективизм» трактуется «сложнее и глубже, чем это кажется на первый взгляд», красной нитью в философском дискурсе, как отмечает Т. А. Евсина, «проходит идея гармоничного единства коллективного и индивидуального начал в русском понимании коллективизма» [14].

В противовес характерной для западного сознания и культуры абсолютизации индивидуализма, рассматривающего автономного индивида в качестве первопричины и самодостаточной единицы, коллективистская логика исходит из приоритета общего, когда личность обретает сущность только через принадлежность к какому-либо обществу, осознаёт важность выполнения долга перед ним. Именно это и составляет, по нашему мнению, первопричину множества противоречий в общественной жизни. Важно заметить, что фундаментальная дилемма между индивидуализмом и коллективизмом, проходящая через всю историю человеческих сообществ, усилилась (и политизировалась) в эпоху противостояния капиталистической и социалистической моделей, что, по мнению В. Э. Багдасаряна, стало ключевым ценностным противостоянием XX в. [6].

Рыночная экономика (капитализм) как социокультурный продукт Запада исходит из гипертрофированного индивидуа-

 К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

лизма, постулируя эгоистические устремления в качестве существенной характеристики человеческой личности, определяющей её поведение в сфере экономики. Базирующаяся на индивидуальном интересе и соперничестве, рыночная логика абсолютно невосприимчива к внешним эффектам (неравенство, бедность, экология и др.) и не ориентирована на производство общественных благ. Разжигая самые низменные человеческие страсти – гордыню, зависть, ненависть, корыстолюбие, самолюбие, алчность и т. п., – построенный на доминировании индивидуального начала рынок, по справедливому замечанию А. П. Андреева и А. И. Селиванова, примитивизирует высшие формы человеческой жизнедеятельности [1], провоцирует деструктивные явления в обществе, препятствует солидарности, являющейся сущностью социального бытия народов России.

На наш взгляд, только приверженность коллективным формам организации общественной (в том числе хозяйственной) жизни, вытекающая из идеи религиозного братства, может сдерживать несправедливость и неравенство, ограничивать частнособственнические интересы, препятствовать эксплуатации человека человеком, тем самым противостоять ключевым положениям рыночной экономики (капитализма).

Обуславливая формирование не эгоистической любви к себе, а общественных интересов и ценностей, коллективизм в противовес индивидуализму развивает *милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение*. В условиях же рыночной экономики, важнейшими атрибутами которой выступают конкурентная борьба, чистый прагматизм и примат личных интересов, мораль подменяется холодной расчётливостью, что формирует в итоге порочного человека, чуждого милосердию и состраданию, неспособного к сопереживанию и, соответственно, взаимопомощи и взаимоуважению. Любая попытка сегодня подвергнуть сомнению тезис о несовместимости рыночной конкуренции с ценностями милосердия, взаимопомощи и взаимоуважения не выдерживает никакой критики и легко дезавуируется самой жизнью. Важно подчеркнуть, что безжалостность законов рынка, индифферентность общества, построенного на рыночных принципах, к тяготам и лишениям «слабых» не скрывались классиками экономической теории. В одной из своих работ С. Г. Кара-Мурза, отмечая предельную жестокость всех теорий рынка: «рынок должен был убивать лишних, как бездушный механизм...», – в подтверждение приводит слова Д. Рикардо,

согласно которому «первая задача рынка – через зарплату регулировать численность “расы рабочих”» [15].

Разумеется, даже апологеты рыночной идеологии не берутся всерьёз отрицать antagonisticность таких заявленных в Указе №809 традиционных российских ценностей, как *«высокие нравственные идеалы»*, *«приоритет духовного над материальным»*, и базовых положений рынка. Рыночная экономика, всё превращая в товар и низводя до принципа «купи-продай», разъедает нравственные основы. Поэтому ни о каких высоких нравственных идеалах невозможно говорить в системе, которая сама по себе аморальна. Выдвинувший идею о несовместимости свободного рынка и общества, К. Поланьи в своём историческом и экономическом исследовании «Великая трансформация» предупреждает о неизбежности гибели общества как естественной среды существования человека под воздействием рынка, ведущего к утрате социальных связей, быстрой моральной, психологической и физической деградации. Главные ментальные ориентиры рыночной экономики, вытекающие из гипертрофированного индивидуализма, конкуренции, погони за прибылью, – циничный эгоцентризм, гедонизм, обусловленный исключительно материальным этосом, отбрасывают за ненадобностью внеэкономические смыслы существования человека, «атрофируя» его духовные потребности. Очень показательны в этом контексте образные метафоры, используемые русскими мыслителями для подкрепления своих размышлений о «неправде и злобе» капитализма (Н. А. Бердяев), «отторжении» им духовной жизни человека (такие как, например, «душа убывает» (К. С. Аксаков), «душа окоченивает в расчёте», «плоскость души», «духовная пошлость» (Ф. М. Достоевский), «пустодушие» (А. С. Хомяков), «духовное бесплодие» (А. И. Герцен), «духовное одиночество» (Вл. Соловьёв)). Отметим, что подобная образность показывает не просто критическое отношение к системе мироустройства (и к типу экономической модели, соответственно), а её онтологическое неприятие как формы подлинного человеческого бытия, отрицающей саму природу человека как духовно-соборного существа.

Рассматривая противоречия между зафиксированными в Указе №809 традиционными ценностями и построенной на рыночной логике модели общественных отношений, следует отдельно остановиться на такой ценностной установке, как *«справедливость»*. Справедливость, глубинный запрос

К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

на которую, несмотря на меняющиеся социально-экономические и политические условия, не просто остаётся устойчивым, но и усиливается в отечественном социуме, по праву можно отнести к ключевым идеалам современного российского общества. Так, в работе, посвящённой исследованию роли справедливости в общественном сознании России, она помещается «в тройку наиболее значимых ... ценностей, необходимых для функционирования общества» [13]. Вместе с тем, говоря о справедливости, нельзя не отметить наличие разнообразных этических, политических и социальных систем, выводящих «справедливость» из других, более первичных принципов и потому не считающих её базовой ценностью. Например, В. Э. Багдасарян выражает сомнение по поводу включения справедливости в перечень традиционных российских ценностей ввиду высокой степени релятивистичности трактовок этого понятия, полагая при этом более оправданным его раскрытие через понятие «правда» – «одно из важнейших для русской традиции» [6]. Признавая обоснованность доводов данного учёного, тем не менее, считаем, что нарастание социального расслоения в России в результате смены экономической модели, а также устойчивое восприятие в массовом сознании несправедливости приватизации 1990-х годов, ставят «справедливость» для большинства граждан на уровень, равный (или даже выше), законности, что имеет огромное значение в обретении / утрате легитимности общественного устройства. Кроме того, анализ справедливости в контексте конфликта с рыночной логикой особенно важен, поскольку в отличие, например, от милосердия или духовности, справедливость напрямую касается распределения ресурсов – ядра экономической системы.

Представляя собой действительно сложный и противоречивый феномен, идея справедливости в российской традиции понимается как равноправие в обмене ресурсами и распределении результатов, а не как равенство возможностей (согласно рыночной парадигме). Именно такой взгляд на справедливость неизбежно ставит вопросы о справедливости цены труда и справедливости распределения благ в обществе, создавая неизбежное напряжение с рыночными принципами, в соответствии с которыми вознаграждение определяется не трудом как таковым, а собственностью на капитал. Именно поэтому несправедливость как сущностное качество капитализма, продуцирующее структурное неравенство, бедность и безра-

ботицу, составляла предмет анализа множества мыслителей – от классиков политэкономии до современных исследователей. Так, например, один из ведущих представителей современной левой общественной мысли И. Валлерстайн, описывал капитализм как систему, «инструменты которой приспособлены к тому, чтобы в среднесрочной перспективе вознаграждать тех, кто считает главным делом накопление капитала, и карать всех тех, кто пытается отстаивать другие приоритеты» [7]. Тем самым неравенство, бедность, безработица как индикаторы несправедливости расцениваются не как «флуктуации» рынка, его случайности или «провалы», а как непереносимое следствие его законов, его системное свойство, что на массиве эмпирических данных показано Т. Пикетти в его «Капитале в XXI веке».

Однако проблема противоречий между рыночной системой и справедливостью – ещё сложнее. Ведь даже декларируемые рыночной экономикой формальное равенство возможностей и процедурная справедливость, как равные правила игры для всех (равенство перед законом, единые условия конкуренции), расходятся с реальностью. В экономической теории уже давно признан факт неискоренимой в условиях рыночной конкуренции тенденции к монополизации (К. Маркс, Й. Шумпетер, Т. Веблен), асимметричности информации (Д. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Стиглиц), которые даже при равных «стартовых» возможностях (что тоже является «идеальными» условиями) превращают *формально* единые правила в *фактически* неравные по итогу. Таким образом, апелляции многих апологетов рыночной экономики к аргументу о «равных возможностях» (например, М. Фридман) противоречат собственной логике рынка, а потому его несоответствие реальности – не отклонение от «идеала», а системное свойство.

Ещё одной обозначенной в Указе №809 ценностью, которая, с точки зрения автора, принципиально несовместима с рыночными установками, является «*созидательный труд*». Социокультурное исследование феномена труда, проведённое автором в другой работе, даёт основание говорить о доминировании нравственного аспекта над экономическим в трудовом этосе русского народа. Отсюда понимание созидательного труда выходит за рамки рыночной логики, отдающей приоритет внешней оценке через вознаграждение (заработную плату, бонусы). В русской традиции «созидательный труд» ассоциируется с до-

бродетелью (нравственная ценность), с самоцелью (творческое самовыражение), служением общим интересам (коллективная значимость), что нашло отражение в социально-философской мысли, увековечено в народном фольклоре и памятниках русской письменности. Следование же рыночным принципам ведёт к девальвации труда как духовно-нравственной ценности, сводя его исключительно к средству получения выгоды. Превращая труд в товар, рыночная экономика тем самым смещает фокус с ценности «созидательности» на рыночную «эффективность», отсюда низкая оценка рынком «созидательности» многих профессий (учитель, врач), которые с позиции «чистой» рыночной логики не обеспечивают экономической отдачи. Кроме того, ориентация рынка на индивидуальный успех противоречит идее труда как общего дела.

В свете стоящих в настоящее время перед Россией угроз и вызовов особое значение приобретает анализ таких вступающих в принципиальное противоречие с рыночной экономикой ценностных установок, как «патриотизм» и «служение Отечеству и ответственность за его судьбу». Рыночная логика, как уже неоднократно отмечалось, базируется на приоритете частной выгоды, что обуславливает мобильность капитала и элит. Движимый погоней за максимальной прибылью, крупный капитал, свободно перемещаясь между странами, всегда приобретает характер транснационального («безродного»). Отметим, что вопросы трансформации капитала в мощную наднациональную силу, игнорирующую интересы отдельных государств, подробно освещены в работах классиков марксизма-ленинизма. Мобильность капитала вступает в прямое противоречие с патриотизмом как привязанностью к конкретной земле, народу, истории. Всё отмеченное меняет иерархию ценностей владельцев крупного капитала, формируя человека «без корней», ставящего интересы Родины на более низкий уровень. Если патриот действует из этики долга, верности своей Родине, служения ей, то владелец транснационального капитала исходит из логики выгоды, в соответствии с которой территория – лишь ресурс для извлечения прибыли. Поэтому можно сказать, что абсолютная рыночная логика поощряет разрыв с судьбой Отечества, неизбежно склоняя «чашу весов» при ответе на библейский вопрос «где моё сокровище?» не в пользу патриотизма и служения.

Из проведённого анализа видно, что отнесённые автором к первой группе ценности демонстрируют принципиальную

К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

несовместимость с рыночной логикой, согласно которой максимизация прибыли и индивидуальный расчёт выступают конечными целями. В условиях рыночных отношений эти ценности обречены не просто на маргинализацию, а на принципиальное исключение из повседневной экономической практики как «неэффективные». Здесь считаем уместным внести следующее пояснение: мы не отрицаем возможности локальных проявлений в условиях рынка различных форм подвижничества, милосердия, взаимопомощи, высокой нравственности, патриотизма и т. п., что, казалось бы, противоречит утверждению автора об их принципиальной несовместимости с рыночной логикой. Однако, сохраняясь *вопреки* рыночной логике, эти проявления представляют собой этический выбор конкретных людей как преодоление (или ограничение) рыночных императивов совестью, верой, традицией и другими иррациональными с точки зрения рыночной логики мотивами. Именно поэтому сохранение данных ценностей в условиях рыночной экономики весьма ограничено и может существовать лишь в виде постоянно подтачиваемых рынком «островков».

Вторую группу в соответствии с авторским видением составляют ценности, столкновение которых с рыночной логикой сужает их сложные смыслы до утилитарных трактовок и подменяет рыночными эквивалентами, что создаёт перманентное напряжение между декларируемыми установками и их реальным воплощением в условиях неограниченной коммерциализации. Конкретные проявления этого напряжения раскрываются в таблице 1, демонстрирующей возможные подмены практик реализации каждой ценности этой группы.

Представленная в таблице информация обнажает серьёзные напряжения между логикой неограниченной рыночной экспансии и частью закреплённых в Указе №809 ценностей. Хотя данные ценности формально и совместимы с рыночными институтами, в условиях тотальной товаризации отношений они подвергаются существенной деформации. Так, семья превращается в потребительскую ячейку, гражданственность – в пассивное потребление публичных благ, свобода – в свободу выбора товаров, права человека – в право на участие в рыночных отношениях. Т. е. сохраняя номинальное существование, ценности данной группы лишаются подлинного содержания.

Выявленное двойное противоречие – принципиальное исключение одних ценностей и смысловая деформация других –

Таблица 1 / Table 1

Характер перманентного напряжения ценностей с рыночной экономикой / The nature of the permanent tension between values and the market economy

Ценность	Характер напряжения
Жизнь	Рынок приводит к неравному доступу к жизненно важным благам (медицина, образование), а также саму жизнь превращает в «ресурс» для извлечения прибыли (коммерциализация здравоохранения)
Достоинство	Рынок коммерциализирует труд и самого человека, человек рассматривается как фактор производства и оценивается исключительно по доходу, что является унижением достоинства
Права и свободы человека	Рынок трансформирует социальные права в товары, доступные только тем, кто может заплатить (нарушая право на здоровье, образование). Системно заложенная в рыночную модель безработица нарушает право на достойный труд. При высоком уровне концентрации богатства (которую рынок сам по себе преодолеть не может) фактически нарушается равное политическое участие (через лоббирование, финансирование партий)
Гражданственность	Рынок, поощряя индивидуализм, разрушает условия, на которых держится гражданственность – доверие, солидарность и готовность к коллективной ответственности. Кроме того, нацеленность на максимизацию выгоды провоцирует уклонение от гражданских обязательств (уплаты налогов, соблюдения законов, прав других)
Крепкая семья	Рыночная конкуренция и нацеленность на максимальный доход требует мобильности, двойной занятости, отрыва от семьи. Логика рынка подрывает готовность к долгосрочным обязательствам, таким как воспитание детей, уход за больными родственниками. Рыночная культура потребления превращает отношения в товар, когда партнёр оценивается по «потребительским качествам» (доход, статус). Конкурентная логика проникает в семью, что разъедает её основу – безусловную солидарность
Гуманизм	Рыночная экономика превращает человека в «человеческий капитал», смещая фокус с ценности человека самого по себе, в результате ценность человека определяется его продуктивностью. Рынок создаёт иерархию по богатству, ставя доступ к качественной медицине, образованию, правосудию в зависимость от дохода. Рыночная логика превращает человека из цели в средство (для получения прибыли, для повышения спроса)

Окончание Таблицы 1 / Table 1.

Историческая память и преемственность поколений	Рыночная экономика превращает историю в товар, монетизируя историческую память, упаковывая историю в бренды, формируя «память на заказ» под интересы потребителя. Краткосрочная логика рынка может стать причиной разрушения культурного наследия ради текущей прибыли
Единство народов России	Рынок признаёт ценность только в обмене, тогда как единство народов требует признания ценности другого как такового. Рынок усиливает неравномерность развития территорий, в результате региональное неравенство обретает этническую окраску. Рынок превращает этническую принадлежность в фактор экономической конкуренции, а не в элемент культурного многообразия

свидетельствует об устойчивом конфликте двух логик – ценностной и рыночно-утилитарной. Поэтому декларирование традиционных ценностей в условиях господства рыночной логики не может, на наш взгляд, изменить тренд на их размывание, девальвацию и превращение в коммерческие бренды. В этой связи игнорирование Указом №809 экономической сферы как пространства для осуществления мер государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей лишает его реализационных потенциалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведённому анализу, можно отметить, что декларация и артикуляция цивилизационных ценностных установок России на официальном уровне являются важным маркером сдвига государственной политики на пути восстановления суверенных потенциалов страны. Вместе с тем фундаментальный вывод настоящего исследования о двойственной природе противоречий зафиксированных в Указе №809 традиционных российских духовно-нравственных ценностей с реализуемой моделью экономической политики, репродуцирующей западные ценностные установки, существенно подрывает эти потенциалы. Важно заметить, что эти противоречия не являются следствием «недостаточной реализации» ценностей в существующей модели. Напротив, сама суть рыночной

← К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

логики воспроизводит ценности, противоположные традиционным: индивидуализм вместо коллективизма, утилитаризм вместо служения, краткосрочный расчёт вместо исторической ответственности. Поэтому продолжение экономической политики, основанной на чуждых России принципах и порождающей болезненные проблемы, раскалывающие страну, на наш взгляд, представляет серьёзную опасность для её существования. Ведь, как очень точно подмечает В. Э. Багдасарян, являясь частью системы противника и опираясь на его ценностную матрицу, невозможно одержать победу [6].

В этой связи парадокс современной российской политики видится нам в разрыве между декларацией традиционных духовно-нравственных ценностей, признанием на государственном уровне необходимости их сохранения и защиты и консервацией экономической модели, в которую системно встроены механизмы девальвации и разрушения этих ценностей. Даже при определённом смягчении существующих разрывов дальнейшая пролонгация сложившейся политики, без трансформации самой модели, которая эти разрывы создаёт, на наш взгляд, является главной угрозой цивилизационной деградации страны. Ведь если ценностные установки не пронизывают все сферы жизнедеятельности человека (включая экономику), они обречены на декоративность, превращение в симулякры. Так, общество не может культивировать милосердие, духовность, патриотизм при экономической модели, ориентированной на «борьбу всех против всех», погоню за прибылью, холодный расчёт, мобильность капитала. Подобное противоречие, превращая ценности в предмет идеологического воспитания, отрывает их от повседневных практик, что создаёт конфликт между официальной идеологией и текущим опытом и неизбежно подрывает доверие к самим ценностям.

Именно поэтому избирательность в Указе №809 областей реализации политики сохранения традиционных ценностей вызывает серьёзные вопросы. Решая важную задачу систематизации цивилизационных ценностей России и их утверждения как основы государственной политики, Указ №809 делает акцент на образовании и воспитании, культуре, науке, СМИ, однако абсолютно обходит вниманием сферу экономики, отношения в которой традиционно рассматриваются как носители базовых ценностей. Но именно это «упущение» является принципиальным ограничением Указа №809 как инструмента реализации

заявленных ценностей, делая его ещё одной красивой «декларацией о намерениях», которых в избытке представлено в современном нормативно-законодательном пространстве РФ.

Как показывает опыт последних десятилетий, любые выдвигаемые в стране политические инициативы не затрагивают фундаментальных основ экономической парадигмы, порождающих противоречия и кризисы, поэтому, даже отчасти решая задачи стабилизации в краткосрочном периоде, они создают опасности нарастания диспропорций в будущем. В этой связи именно неизменное следование России чуждой ей рыночной логике, разрушающей императивный статус духовно-нравственных ориентиров, является, на наш взгляд, её «ахиллесовой пятой». Поэтому вероятность восстановления суверенитета России, сбережения народа и достижения его единства без смены идеологии экономического курса представляется нам крайне низкой. Только ценностно-революционное осмысление новой парадигмы экономического развития как формы служения общему благу, учитывающей особенности российского менталитета, традиций, стереотипов мысли и поведения народов страны, может преодолеть фундаментальный разрыв между экономической политикой и декларируемыми цивилизационными ценностями, способствуя решению задачи их сохранения и укрепления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. П., Селиванов А. И. Западный индивидуализм и русская традиция // Философия и общество. 2001. № 4. С. 98–126.
2. Асканова О. В. Духовно-нравственная сторона категории «прибыль» // Современная техника и технологии: проблемы, состояние и перспективы: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции 21–22 ноября 2025 г. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2025. С. 517–534.
3. Асканова О. В. Конкуренция и сотрудничество: этические аспекты двух типов хозяйственных отношений // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы Четырнадцатой международной научно-практической конференции (27–28 мая 2022 г.). Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2022. С. 238–245.
4. Асканова О. В. Собственность: анализ восприятия в социокультурной проекции // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы Пятнадца-

той международной научно-практической конференции (18–19 мая 2023 г.). Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2023. С. 299–311.

5. Бабурин С. Н. Духовно-нравственные основы правового регулирования экономического развития государств в эпоху ЕАЭС // Развитие экономической мысли: исследования и решения: материалы международной научно-практической конференции (Бишкек, 26–27 сентября 2024 г.). Бишкек: Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, 2024. С. 24–28.
6. Багдасарян В. Э. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 8–25.
7. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 368 с.
8. Войтенко В. П., Соколов В. А., Лубский Р. А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3. С. 71–77.
9. Гавриленко О. В. «Двойственность» как характеристика российской деловой культуры // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 155–163.
10. Гавриленко О. В. Современная российская деловая культура: «особый» путь развития или заимствование «чужих» управленческих практик? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2024. Т. 36. № 3. С. 456–478.
11. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Традиционные ценности: концепция, подходы, идеологемы // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 223–239.
12. Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени / пер. с англ. И. Ногаева. М.: Европа, 2009. 88 с.
13. Давтян Д. В. Ценность справедливости в современном российском обществе: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 11. С. 25–27.
14. Евсина Т. А. К вопросу понимания коллективизма как ценности отечественной традиционной культуры // Общество: философия, история, культура. 2024. № 6. С. 14–20.
15. Кара-Мурза С. Г. Крепостная Россия. Мудрость народа или произвол власти? М.: Родина, 2021. 336 с.
16. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. История России. Современный взгляд. Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс: Алгоритм, 2002. 766 с.

17. Наумова Е. И., Соколов Е. Г. Формирование понятия «капитализм» // Дискурс. 2018. № 4. С. 30–44.
18. Наумова Е. И. История понятия «капитализм»: от политического лозунга к научному термину // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 1. С. 108–115.
19. Плетнёв Д. А. Традиционные ценности, Пол Самуэльсон и дух капитализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. №11. С. 7–9.
20. Расторгуев С. В. Смыслы традиционных духовно-нравственных ценностей в официальном дискурсе // Власть. 2025. Т. 33. № 2. С. 161–166.
21. Романов Е. В. Ценностные основания стратегии экономического развития России // Экономическое возрождение России. 2023. № 3. С. 5–18.
22. Стыров М. М., Тихомирова В. В. Изменение уклада экономики регионов Севера на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2024. № 4. С. 45–58.
23. Шенин С. Ю. Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России: случай «другой анатомии» // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2010. Т. 10. № 1. С. 99–107.
24. Южаков В. А. Традиционные духовно-нравственные ценности и потребительская культура в России: противоречия и гармонизация // Социальное управление. 2025. Т. 7. № 2. С. 112–127.

ARTICLE INFORMATION

Author

Oksana V. Askonova

- e-mail: asckanova@yandex.ru,
Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Prof., Department of Economics
and Management,
Polzunov Altai State Technical University, Rubtsovsk Industrial Institute
(Branch)
ul. Traktornaya 2/6, Rubtsovsk, Altai Krai 658223, Russian Federation

For citation

Askonova, O. V. (2026). State Policy for the Protection of Traditional Values and the Market Economy: An Analysis of Contradictions. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyse the compatibility of traditional Russian spiritual and moral values with the economic model that has taken shape in Russia and to assess the feasibility of effectively implementing state policy aimed at their preservation and strengthening.

Methodology. The study is based on a content analysis of Presidential Decree no. 809 in conjunction with the fundamental principles of the market economy, as well as a philosophical and economic reconstruction of the concepts of 'capitalism' and 'market economy.'

Results. It has been established that the values enshrined in Decree no. 809 are either fundamentally incompatible with market logic or exist in a state of permanent tension with it. The analysis reveals that Decree no. 809 excludes the economic sphere from the framework of policies designed to protect traditional values, thereby undermining its implementation potential.

Research implications. The study substantiates the conclusion that value-based policy cannot be effectively implemented without transforming the prevailing economic model. It highlights the necessity of rethinking the paradigm of economic development considering Russia's sociocultural specifics.

К НАЧАЛУ
СТАТЬИ

Keywords

state policy, market economy, traditional values, Presidential Decree no. 809, civilizational sovereignty, value-based policy

References

1. Andreev, A. P. & Selivanov, A. I. (2001). Western Individualism and the Russian Tradition. In: *Philosophy and Society*, 4, 98–126 (in Russ.).
2. Askanova, O. V. (2025). The Spiritual and Moral Dimension of the Category "Profit." In: *Modern Engineering and Technologies: Problems, Current State, and Prospects: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference (November 21st – 22nd, 2025)*. Rubtsovsk: Rubtsovsk Industrial Institute publ., pp. 517–534 (in Russ.).
3. Askanova, O. V. (2022). Competition and Cooperation: Ethical Aspects of Two Types of Economic Relations. In: *Problems and Prospects of Economic and Management Development in Russia and Abroad: Proceedings of the Fourteenth International Scientific and Practical Conference (May 27th – 28th, 2022)*. Rubtsovsk: Rubtsovsk Industrial Institute publ., pp. 238–245 (in Russ.).
4. Askanova, O. V. (2023). Property: An Analysis of Perception in a Sociocultural Context. In: *Problems and Prospects of Economic and Management Development in Russia and Abroad: Proceedings of the Fifteenth International Scientific and Practical Conference (May 18th – 19th, 2023)*. Rubtsovsk: Rubtsovsk Industrial Institute publ., pp. 299–311 (in Russ.).
5. Baburin, S. N. (2024). Spiritual and Moral Foundations of the Legal Regulation of State Economic Development in the EAEU Era. In: *Development of Economic Thought: Research and Solutions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Bishkek, September 26th – 27th, 2024)*. Bishkek: Kyrgyz National University publ., pp. 24–28 (in Russ.).
6. Bagdasaryan, V. E. (2024). Traditional Values and the Construction of a New Worldview in Russia: Problems and Solutions. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 8–25 (in Russ.).
7. Wallerstein, I. (2003). *The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century*. Moscow: Logos publ. (in Russ.).
8. Voitenko, V. P., Sokolov, V. A. & Lubsy, R. A. (2019). Collectivism and Individualism in Russia as a Subject of Theoretical Reflection. In: *Philosophy of Law*, 3, 71–77 (in Russ.).
9. Gavrilenko, O. V. (2024). "Duality" as a Characteristic of Russian Business Culture. In: *Theory and Practice of Social Development*, 11, 155–163 (in Russ.).

10. Gavrilenko, O. V. (2024). Modern Russian Business Culture: A "Special" Path of Development or the Borrowing of "Foreign" Management Practices? In: *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 36 (3), 456–478 (in Russ.).
11. Guryanova, A. V. & Timofeev, A. V. (2025). Traditional Values: Concept, Approaches, and Ideologemes. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 223–239 (in Russ.).
12. Galbraith, J. K. (2009). Nogaev, I., ed. *The Economics of Innocent Fraud: Truth for Our Time*. Moscow: Evropa publ. (in Russ.).
13. Davtyan, D. V. (2018). The Value of Justice in Modern Russian Society: A Sociological Analysis. In: *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 11, 25–27 (in Russ.).
14. Evsina, T. A. (2024). On Understanding Collectivism as a Value of Domestic Traditional Culture. In: *Society: Philosophy, History, Culture*, 6, 14–20 (in Russ.).
15. Kara-Murza, S. G. (2021). *Serf Russia. Wisdom of the People or Arbitrary Rule of Power?* Moscow: Rodina publ. (in Russ.).
16. Kara-Murza, S. G. (2002). *Soviet Civilization. History of Russia: A Modern View. Bk. 2: From Great Victory to the Present Day*. Moscow: EKSMO-Press publ., Algoritm publ. (in Russ.).
17. Naumova, E. I. & Sokolov, E. G. (2018). Formation of the Concept of 'Capitalism.' In: *Discourse*, 4, 30–44 (in Russ.).
18. Naumova, E. I. (2015). History of the Concept of 'Capitalism': From Political Slogan to Scientific Term. In: *International Journal of Cultural Research*, 1, 108–115 (in Russ.).
19. Pletnev, D. A. (2024). Traditional Values, Paul Samuelson, and the Spirit of Capitalism. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 11, 7–9 (in Russ.).
20. Rastorguev, S. V. (2025). Meanings of Traditional Spiritual and Moral Values in Official Discourse. In: *Authority*, 33 (2), pp. 161–166 (in Russ.).
21. Romanov, E. V. (2023). Value-Based Foundations of Russia's Economic Development Strategy. In: *Economic Revival of Russia*, 3, 5–18 (in Russ.).
22. Styrov, M. M. & Tikhomirova, V. V. (2024). Transforming the Economic Structure of Northern Regions Based on Traditional Russian Spiritual and Moral Values. In: *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 4, 45–58 (in Russ.).
23. Shenin, S. Yu. (2010). Jeffrey Sachs and American Aid to Post-Soviet Russia: A Case of "Different Anatomy". In: *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 10 (1), 99–107 (in Russ.).
24. Yuzhakov, V. A. (2025). Traditional Spiritual and Moral Values and Consumer Culture in Russia: Contradictions and Harmonization. In: *Social Management*, 7 (2), 112–127 (in Russ.).